

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ

Ив. Бунинъ. Тѣнь Птицы. Изд. «Современныя Записки», Парижъ. 1931.

Начинаешь читать «Тѣнь Птицы», доходишь до описанія отплытія парохода изъ одесскаго порта — и сразу-же магія бунинскаго слова оказываетъ свое неотразимое дѣйствіе: съ читателемъ происходитъ приблизительно то же самое, что при приступѣ къ «Войнѣ и Миру» или къ «Аннѣ Карениной». Толстой вводитъ насъ въ семью, и вотъ она уже — наша семья, мы уже въ ней живемъ, и намъ кажется, что жили въ ней съ дѣтства, какъ ея неотрывная часть. Въмѣстѣ съ Бунинымъ мы продѣлываемъ его паломничество, видимъ посѣщенный имъ Востокъ такъ, какъ если бы онъ въ «самомъ дѣлѣ» былъ намъ показанъ. И все время, покуда длится чтеніе, переживается и еще одно: особенное чувство путешествія, отрыва отъ привычной жизни, отъ радное и жуткое сознаніе одиночества и вмѣстѣ приобщенія къ другимъ мірамъ, загадочное ощущеніе своего, доселѣ невѣдомаго, «чистаго» Я — все то, что иногда заставляетъ насъ безсознательно, инстинктивно стремиться къ странствованіямъ, скитаніямъ, гонить насъ вонъ изъ дому. Этотъ инстинктъ романтическій по преимуществу — и не случайно тема «дороги» была преобладающей въ литературѣ романтики. Невольно напрашивается сопоставленіе Бунина съ величайшимъ, можетъ быть, представителемъ романтики, Шатобрианомъ. Сопоставленіе именно авторовъ, а не книгъ, ибо какъ разъ та книга Шатобриана, которая по содержанію ближе всѣмъ стоитъ къ «Тѣни Птицы» — его *Itinéraire de Paris à Jérusalem*, — меньше всѣхъ другихъ напоминаетъ бунинскія. Вѣдь и Шатобрианъ былъ представителемъ «дворянскаго оскуднѣнія»; и ему, казалось, самой судьбой было предназначено стать эмигрантомъ и скитальцемъ; и у него тотъ-же скорбный пафосъ бездомности и, вѣроятно связанная съ нимъ, та-же острота воспріятія міра, всегда болѣе свойственная тому, кто ощущаетъ себя въ немъ гостемъ, нежели тому, кто въ немъ расположился хозяиномъ.

Повторяя Шатобриана, Бунинъ совершилъ «романтическое» путешествіе по слѣдамъ Христа — и Христа не нашелъ. Это вполнѣ естественно. Ибо истинная родина евангельскаго Христа не тамъ, гдѣ разгравается евангельское дѣйствіе. Эта сухость и четкость линий, этотъ предѣльный лаконизмъ, эти несравненные трезвость, ясность, простота, сдержанность, составляющія специфическія особенности синоптиковъ, находящіяся въ столь рѣзкой противоположности съ варварскою громоздкостью, съ потрясающей и изнуряющей грандіозностью Вет-

хаго Заѣта, — наслѣдіе инога, не восточнаго, а эллинскаго геліа. Замѣчательно, какъ слабо повліяло Евангеліе на всю послѣдующую культуру христіанскаго чловѣчества — доказательство, какъ безповоротно умерла Эллада: вѣдь вся исторія христіанскаго искусства, и западнаго и восточнаго, связана гораздо болѣе съ апокрифами, нежели съ каноническими книгами Новаго Заѣта. И то немногое, что говоритъ о Христв Бунинъ, навѣяно, какъ кажется, скорѣе всего выросшимъ на почвѣ апокрифической литературы искусствомъ христіанскаго средневѣковья, а не Евангеліемъ и не мѣстами, которыя онъ посѣтилъ, и на которыя онъ, подобно Ренану, глядѣлъ сквозь призму христіанской, очень отдалившейся отъ своего первоисточника, традиціи о Христв. Огромное чутье правды, присущее Бунину, выразилось и здѣсь въ томъ, что онъ не впалъ въ ошибку Ренана, и упомянулъ о Христв лишь вкратцѣ и мимоходомъ. Зато Вѣтхій Заѣтъ можетъ быть понятъ всецѣло лишь тѣмъ, кто видѣлъ мѣста его возникновенія, кто знаетъ по личному опыту, что такое пески пустыни и испепеляющіе все живое беспощадные и всюду настающіе лучи Ваала-Солнца. Въ этомъ отношеніи, для пониманія Библии, никакой реально-историческій комментарий къ ней не даетъ столько, сколько маленькая книга Бунина: ибо, повторяю, не можетъ быть никакихъ сомнѣній въ томъ, что прочитатъ ее это все равно, что увидѣтъ воочию все то, что увидѣлъ самъ ея авторъ.

П. Бицилли.

Нина Берберова. «Послѣдніе и Первые». Парижъ. 1931.

Трудно ожидать, чтобы первый романъ молодого писателя былъ романомъ сколько-нибудь совершеннымъ. Во многихъ другихъ областяхъ литературы (и искусства вообще) такой ранній успѣхъ гораздо возможнѣе. Романъ требуетъ не только таланта, не только внутренняго, духовнаго опыта, но еще и опыта житейскаго, умѣнія распознавать людей, того особаго чутья въ пониманіи, такта въ изображеніи чловѣческихъ отношеній и характеровъ, которое дается лишь постепенно, котораго въ началѣ жизни ни у кого, даже у самаго одареннаго чловѣка, нѣтъ и не можетъ быть. Всѣ эти качества, вмѣстѣ взятые, мы называемъ знаніемъ жизни, именуемъ крайне неопредѣленнымъ, но обозначающимъ вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто очень реальное. Никто не могъ-бы въ точности объяснить, что значитъ «знать жизнь». Но это знаніе непосредственно ощущается въ людяхъ, которые имъ обладаютъ и также непосредственно воспринимаемъ мы всякій признакъ его отсутствія. При этомъ, романисту оно необходимо вовсе не въ томъ лишь случаѣ, когда онъ собирается писать «реалистическій романъ». Нужно оно и для романа самаго фантастическаго. И никакой фантазіи, никакому проникновенію въ гораздо болѣе тайныя глубины существованія этого простаго знанія, столь многимъ доступнаго, съ такой естественной постепенностью приходящаго съ годами, все же никогда не замѣнить.